

НА КУШЕТКЕ
У ПСИХОТЕРАПЕВТА

ПСИХОАНАЛИЗ
МОНАХИНИ
И БЛУДНИЦЫ

Имя:
Анна Андреевна Ахматова
Профессия: Поэт
Дата рождения:
21 июня 1889
Причина обращения:
на обследование:
Эпикризис: нарушение
и шоковые на слухность
и ситуационную повежики.
Диагноз: Меланхолия

АННА
АХМАТОВА

Екатерина Александровна Мишаненкова
Анна Ахматова. Психоанализ
монахини и блудницы
Серия «На кушетке у психотерапевта»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8010553
Анна Ахматова. Психоанализ монахини и блудницы: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-085942-9

Аннотация

Звонок в четыре утра не предвещает ничего хорошего. Особенно если на дворе 1946 год, вы психиатр, а голос в трубке поручает определить, склонна ли к самоубийству опальная поэтесса Анна Ахматова...

Теперь у Татьяны Никитиной есть всего несколько дней, чтобы вынести вердикт, а заодно и понять, что будет, если ее диагноз окажется не таким, какого от нее ждут.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Екатерина Мишаненкова Анна Ахматова. Психоанализ монахини и блудницы

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог

Телефон зазвонил в четыре утра.

– Никитина.

– Татьяна Яковлевна, вас...

Кому именно я понадобилась в такой час, дежурившая на больничном коммутаторе медсестра Леночка не сказала. Но все и так было ясно по ее дрожащему голосу и по тому, как быстро она переключила меня на звонившего.

– Товарищ Никитина?

– Да, слушаю вас.

– Завтра к вам придет пациентка. Мы подозреваем у нее намерение покончить жизнь самоубийством. Обратите на нее, пожалуйста, особое внимание.

И дальше молчание. Ни дополнительных инструкций, ни хотя бы намека, чего от меня ждут. Я сглотнула, стараясь взять себя в руки, и спокойным голосом уточнила:

– А если у нее есть склонность к суициду?

– Вы сообщите нам об этом.

– А если нет такой склонности?

– Тоже сообщите. – И не допускающим возражения тоном: – До свидания, товарищ Никитина. Мы очень рассчитываем на ваш профессионализм.

Телефонная трубка уже давно лежала на месте, а руки у меня все еще дрожали. Да уж, веселенькое получилось ночное дежурство.

Я отложила личные дела пациентов, которые просматривала до звонка, распахнула окно и закурила, пытаюсь успокоиться и привести мысли в порядок.

Обратить особое внимание...

Конечно, это была не просьба, а приказ. Но меня смущало совсем другое: почему мне не сказали, чего именно от меня хотят?

На моей работе такие звонки случаются периодически – что поделать, пусть страдают депрессиями советскому человеку и не положено, но должен же кто-то помогать справляться с этой буржуазной болезнью... скажем так, избранным, особо тонко чувствующим натурам. Через кабинеты нашего психиатрического отделения проходили многие деятели культуры, не говоря уж о женах и детях некоторых членов Политбюро. Иногда даже под вымышленными фамилиями, хотя все, от главврача до санитарок, и так прекрасно знали, кого и как зовут на самом деле.

Но одно неизменно – первому визиту подобных пациентов всегда предшествует звонок с «просьбой» или как можно быстрее «помочь пациенту избавиться от мыслей об уходе из жизни», или госпитализировать его и «провести полное и тщательное лечение». А чего же от меня хотят сейчас?

– Татьяна Яковлевна! – Через два часа уже закончившая дежурство Леночка заглянула в кабинет и сообщила: – Приехал ваш муж, спрашивает, подвезти вас или вы опять задержитесь?

– Да-да, – очнувшись я и торопливо убрала в сейф личные дела, в которых за это время не прочитала ни строчки, – передай ему, что я сейчас выйду.

– Хорошо. До свидания, Татьяна Яковлевна.

В выразительном голосе Леночки звучала заметная зависть – ей-то придется добираться до дома на трамвае, а меня ждет автомобиль, как будто я не простой врач, а киноактриса или жена председателя обкома. Но что поделать, я даже подвезти ее не могу – нам совсем в разные стороны.

Я взяла портфель, заперла кабинет и вышла на улицу, где Андрей гордо восседал за рулем трофейного «Опеля», а со всех сторон его окружали мальчишки, которые теперь обязательно опоздают в школу. Да, журналист, тем более военный корреспондент, иногда очень опасная профессия, но зато сколько возможностей она дает. Я уже привыкла к тому, что Андрей через свои связи мог достать многие дефицитные товары, но покупка частного автомобиля была, конечно, его гордостью. А все благодаря фронтовым знакомствам.

– Что-то ты бледненькая, – заметил муж, заводя мотор. – Я тебе давно говорю, две ночные смены подряд – это не дело. Хватит работать на износ, война уже полтора года как закончилась.

– Дело не в усталости. – Я вздохнула, размышляя, стоит ли взваливать на него свои заботы и беспокойства. С другой стороны, почему бы и нет, все равно он к любым проблемам кроме своих относится достаточно легкомысленно, зато может посоветовать что-нибудь неожиданное. – Мне сегодня позвонили в четыре утра.

Андрей присвистнул и с интересом взглянул на меня.

– Новый «особый» пациент? Кто?

– Пока не знаю.

– И чего от тебя хотят?

– В том-то и дело, что не сказали. – Я беспомощно пожала плечами. – Просто велели обратить особое внимание и сообщить, есть ли у него склонность к суициду или нет.

– И что тебя беспокоит?

– Ну как ты не понимаешь?! – Усталость после двух ночных смен, видимо, все-таки сказывалась, потому что я почувствовала, что его вопросы меня раздражают.

Как будто он не знает, что подобные поручения меня всегда беспокоят, а когда в них нет конкретики – тем более. Он ведь не раз слышал мои вздохи по поводу медицинской этики. Несмотря на расплывчатость формулировок, оба указания, которые мне обычно давались, были предельно ясными. «Помочь избавиться от мыслей об уходе из жизни» – значит, требуется срочно вывести человека из депрессии, чтобы он как можно быстрее смог показываться на публике. «Провести полное и тщательное лечение» – наоборот, изолировать его до тех пор, пока он полностью не вылечится.

Лично я всегда предпочитала второй вариант, потому что он предполагал серьезное лечение и борьбу с причинами расстройства, а не только снятие симптомов. Но подобные «просьбы» не обсуждаются, и оставалось утешать себя тем, что для ученой работы полезны исследования в обоих направлениях.

Возможно, бывали и другие пожелания, но я об этом слышала только сплетни и предпочитала не верить, что кто-нибудь из наших советских психиатров способен на подобное нарушение врачебной этики.

И вот теперь такой звонок и такое неопределенное поручение.

– Посмотри на это с другой стороны, – предложил Андрей. – Ты ведь сама жаловалась, что многих пациентов приходится не лечить, а только снимать симптомы. И что ты все время рискуешь, поскольку любой твой недавний пациент может через полгода сигануть в окно, и ты окажешься виноватой, хотя только выполняла указания. Ну так радуйся – ты можешь найти у нового пациента что вздумается и лечить его сколько захочешь.

Иногда радужный оптимизм Андрея выводит меня из себя. Он действительно не понимает или притворяется?

– А если я найду у него склонность к суициду, сообщу об этом, а завтра его найдут в петле или с дыркой в голове? Ты об этом не думал? И получится все шито-крыто, врач же поставил диагноз, значит, это точно самоубийство.

Андрей молчал, молчала и я, глядя на дорогу. Некстати всплыла в памяти сплетня, которую в больнице пересказывали шепотом и наедине. О том, что последней пациенткой

покойного профессора Льва Васильевича Вишневого, у которого я стажировалась, была Надежда Аллилуева и что он не случайно умер через несколько дней после нее.

Я попыталась отогнать эти мысли. Сплетня есть сплетня, я ее и слушать не должна была. Да и глупости это – ну кто я и кто был профессор Вишневский. Я, к счастью, не вышла статусом, чтобы ко мне направляли жен членов Политбюро, для этого есть врачи позначительнее, со званиями и регалиями.

Самоубеждение, как обычно, помогло, поэтому, когда машина остановилась около дома, я уже почти успокоилась. Но Андрей умудрился все испортить.

– Знаешь, – задумчиво сказал он, открывая мне дверцу, – у нас в редакции больше всего боятся звонков именно в четыре утра.

– Почему? – удивилась я. – Чем четыре утра хуже трех или пяти?

– Говорят, что *сам*, ну ты понимаешь... – он бросил взгляд направо, где вдалеке виднелись кремлевские звезды, – отдает приказы перед тем, как заканчивать работу. Как раз около четырех утра. Поэтому, когда звонят в это время...

Уточнять не было необходимости. Я, как и все советские люди, хорошо знала, *кто* работает в Кремле по ночам. И это слишком близко перекликалось с тем, о чем я только что думала.

Не буду говорить, что мне снилось после такого разговора, хотя вечером мы с Андреем к этому больше и не возвращались. Но признаюсь честно – я, конечно, атеистка, однако следующим утром шла на работу с мыслью: «Господи, помилуй».

Глава 1

– Товарищ Никитина, к вам пациентка по спецнаправлению. – Старшая медсестра, как обычно, собственноручно положила мне на стол тоненькую папку, в которую мне предстояло подшивать записи бесед и результаты наблюдений. Вообще-то это не было ее обязанностью, но она считала своим долгом передавать личные дела таких пациентов из рук в руки, чтобы быть уверенной, что никто, кроме нее и врача, их не видел.

– Спасибо, – ответила я и слегка рассердилась на себя, заметив, что голос дрогнул. Причем дело было не только в том, что мне было страшно открыть личное дело, но еще и в старшей медсестре, от робости перед которой я никак не могла избавиться.

Впрочем, я такая была не одна – Варвару Ивановну в нашей больнице боялись все, включая главврача. Не по каким-то конкретным причинам, а просто так, из-за нее самой. Она вызывала некий иррациональный трепет своей монументальностью и фанатичной преданностью работе. Она даже обращалась ко всем не по имени и отчеству, а «товарищ Никитина», «товарищ Ермолов» и так далее. Прежде я таких суровых, словно высеченных из гранита женщин видела только в кино, где они обычно были старыми коммунистками, стоявшими у истоков партии.

Варвара Ивановна тоже была старой коммунисткой, но в отличие от киногероинь она нагоняла трепет не на белогвардейцев или фашистов, а на персонал больницы. Женщина, которую боятся врачи-психиатры, – это же просто анекдот какой-то.

Эта мысль наконец-то вызвала у меня улыбку, и мне удалось уже спокойным вежливым тоном сказать, что можно приглашать пациентку. Но я все-таки подождала, пока за Варварой Ивановной закроется дверь, и только тогда открыла папку – не хотелось пугаться или радоваться при ней.

Имя пациентки заставило меня глубоко вдохнуть и не сразу выдохнуть. Я даже не знала, чего в моих ощущениях больше – облегчения, страха или любопытства. Имя, которое было сейчас у всех на слуху, звучало из каждого угла, но при этом произносилось шепотом и вызывало у разных людей бурю эмоций – от негодования до преклонения.

Анна Ахматова.

Ленинградская поэтесса, давно уже знаменитая, но недавно и вовсе ставшая живой легендой после того, как ее в своей открытой речи «раздавил» лично член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б), председатель Верховного Совета РСФСР и председатель Совета Союза Верховного Совета СССР товарищ Жданов. После этого о ней узнали даже те, кто в жизни не прочитал ни одного стихотворения.

Да, я хотела с ней познакомиться. А кто бы не хотел? Это не жена кого-нибудь из членов Политбюро с ее скучными семейными тайнами. Мне дают уникальную возможность изучить, что же творится в голове у знаменитой поэтессы, которая так прогневала самых могущественных людей Советского Союза.

С другой стороны, мне тут же снова стало страшно. Вчерашнее предположение, что меня хотят заставить признать пациента суицидником, чтобы потом без помех с ним расправиться, перестало казаться таким уж абсурдным. Некстати вспомнилось, что Цветаева незадолго до смерти тоже бывала у психиатра...

Дверь вновь распахнулась, и медсестра впустила пациентку. У меня едва хватило времени, чтобы усилием воли подавить страхи и сосредоточиться. Сейчас мне как никогда была нужна холодная ясность рассудка.

– Добрый день, Анна Андреевна. – Я встала и протянула ей руку. – Очень рада с вами познакомиться.

Она совершенно спокойно, словно и не к психиатру пришла, протянула свою руку – небольшую, изящную, с длинными стройными пальцами, как у настоящей аристократки, и ответила на рукопожатие.

– Я тоже рада.

Голос ровный, глубокий, без малейшего волнения. И вполне соответствует внешности. Я привыкла к нервной суетливости, барской развязности, хулиганским замашкам, настороженности, но в ее облике ничего этого не было. Статная, с великолепной царственной осанкой и гордой посадкой головы, она нисколько не походила на несчастную жертву, гонимую властями. Скорее она выглядела как светская дама, наносящая не слишком интересный, но обязательный визит.

– Садитесь, пожалуйста, – я указала на кресло, раздумывая, в каком же тоне начинать разговор. И с чего его начинать. Такую женщину не спросишь в лоб, хочет ли она покончить с собой. Не спросишь, и что ее беспокоит – она ведь не сама пришла, а конечно же по приказу.

Я подняла глаза и встретилась с ней взглядом. Она смотрела на меня, а на губах ее играла презрительно-загадочная улыбка сфинкса. Словно она меня насквозь видит. Что ж, значит не стоит ничего придумывать. Лучше всего начать с абсолютно делового тона и прощупывать ее постепенно.

– Анна Андреевна, начнем с обязательной части, – я вновь открыла папку и взяла перо. – Расскажите о себе. Просто свою биографию, как помните.

Она все так же царственно наклонила голову в знак согласия и после короткой паузы начала:

– Я родилась 11 июня 1889 года под Одессой. В один год с Чарли Чаплиным, «Крейцеровой сонатой» Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом. В это лето Париж праздновал столетие падения Бастилии.

– 11 июня по старому стилю или по новому? – прервала ее я.

Не то чтобы это было действительно важно, я могла посмотреть дату рождения в карточке. Просто уж очень плавно лилась ее речь, словно она рассказывала заученный текст. Надо было как-то сбить ее с этой заученности, заставить говорить искренне.

– По старому, – спокойно ответила она. Ясно, чтобы сбить ее с толку, требуется что-то посерьезнее. – По новому – 23 июня. В ночь моего рождения справлялась и справляется древняя Ивановна ночь.

– Это имеет для вас значение?

– Для поэта все имеет значение.

– А где именно под Одессой вы родились?

– На даче Саракини, в районе Большой Фонтан, это одиннадцатая станция паровичка.

– Это там снимали «Петра Первого»?

Она лишь кивнула и все так же спокойно продолжила:

– Дачка эта (вернее, избушка) стояла в глубине очень узкого и идущего вниз участка земли – рядом с почтой. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по самому краю... Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой. Ее мать была чингисидкой, татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь быть русским поэтом, я сделала своим литературным именем.

– Теперь вы об этом сожалеете?

Вопрос был, конечно, глупый, но зато он немного сбил ее с толку. Она посмотрела на меня так, словно это она здесь была врачом, а я – пациенткой с подозрением на психическое расстройство.

– Конечно нет.

– А когда-нибудь сожалели?

Она чуть помедлила, видимо пытаясь понять, почему меня это интересует.

– Нет. И даже если бы сожалела, вряд ли это стало бы поводом для сведения счетов с жизнью.

Я кивнула:

– Хорошо. Продолжайте, пожалуйста.

– Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота, – уже менее ровным тоном продолжила она. Чувствовалось, что мои вопросы слегка вывели ее из равновесия. – Годовалым ребенком я была перевезена на север – в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет. Мои первые воспоминания – царсосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царсосельскую оду». Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет – древний Херсонес, около которого мы жили. Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски.

– А когда вы начали писать стихи?

Кажется, я попала впросак – она и глазом не моргнула, но я почувствовала, что она ждала этого вопроса. Похоже, его задавали все, кто слушал ее рассказ прежде.

– Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет. Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина и Некрасова.

– И вы помните, с каких именно стихотворений?

– Конечно. У Державина «На рождение порфирородного отрока», а у Некрасова «Мороз, Красный нос». Эти вещи знала наизусть моя мама.

– Она оказала на вас большое влияние?

– Как любая мать на своего ребенка.

Я позволила себе снисходительно усмехнуться.

– Вы же сами знаете, что не любая. Она понимала вас?

Кажется, то ли вопрос, то ли мой тон задел какие-то нужные струнки, потому что в ее ответе мелькнула заметная нотка гордыни:

– Меня почти никто не понимал по-настоящему.

Я поспешила уцепиться за эту нотку.

– Значит, мать не видела, что вы... особенная? Не такая, как другие дети.

На этот вопрос покупаются практически все творческие личности, главное – вовремя его задать, чтобы не выглядело фальшиво. Каждый из них всегда уверен в своей гениальности. Ахматова не была исключением.

– Когда мне было пятнадцать лет и мы жили на даче в Люстдорфе, недалеко от места моего рождения, – с явным удовольствием вспомнила она, – проезжая как-то мимо этого места, мама предложила мне сойти и посмотреть на дачу Саракини, которую я прежде не видела. У входа в избушку я сказала: «Здесь когда-нибудь будет мемориальная доска». Я не была тщеславна. Это была просто глупая шутка. А мама огорчилась. «Боже, как я плохо тебя воспитала», – сказала она.

Что ж, я услышала даже больше, чем ожидала.

* * *

– Ну что, как твоя пациентка? – спросил меня муж прямо на пороге. Глаза его блестели, и я поняла, что он уже знает, кого именно ко мне направили.

– Откуда узнал? – вместо ответа спросила я его.

– Это мой большой секрет, – довольно пропел он строчку из своей любимой «Свадьбы в Малиновке», на которую водил меня в оперетту не меньше десяти раз. – Ты же не расскажешь, о чем вы разговаривали.

– Конечно, не расскажу, – согласилась я. – Это врачебная тайна. И уж тем более я не доверю ее болтливому журналисту вроде тебя.

Андрей не обиделся – «болтливым журналистом» он прозвал себя сам и всегда охотно соглашался, что прозвище соответствует действительности.

– Ну скажи хоть, похожа она на суицидницу или нет? – Он снял с меня легкое пальто, предмет зависти всех соседок, привезенное им из заграничной командировки, и с большим интересом посмотрел на мой портфель. Кажется, за записями будет нужен глаз да глаз. Андрей никогда бы не стал читать мою личную переписку или дневник, но вот что касается рабочих материалов... тут, боюсь, он всегда сначала журналист, а только потом уже человек, муж и коммунист.

– Не похожа. – Я отнесла портфель в кабинет, помыла руки и пошла переодеваться в домашнее. – Она не в депрессии и не в отчаянии. Я бы сказала даже, что она в некоторой степени упивается своим статусом гонимого и преследуемого поэта. Это приравнивает ее к великим, возможно даже к самому Пушкину.

– Значит, ты уже вынесла вердикт? – На кухне Андрей повязал мне фартук и устроился на табуретке. Его роль в приготовлении ужина на этом заканчивалась. Впрочем, поскольку готовила я в основном из того, что он получал в качестве пайка и доставал через своих знакомых, придираться было не к чему. Мне хоть и сильно подняли оклад в марте, но цены росли как на дрожжах. За килограмм ржаного хлеба, который летом стоил рубль десять копеек, теперь нужно было платить уже три сорок. А Андрей еще по секрету рассказывал, что скоро выйдет постановление об экономии в расходовании хлеба. И хотя я была уверена, что работников науки это не коснется, все равно было страшно.

– Таня, ты не уснула?

Я вздрогнула и едва не рассыпала макароны.

– Извини, задумалась об ужине. О чем ты спрашивал?

– Я говорю: значит, ты уже вынесла вердикт? Она не собирается кончать с собой?

– Нет, не вынесла. – Я покачала головой. – Я говорю только, что она не в депрессии.

Но это еще ничего не значит.

– Разве здоровый нормальный человек станет убивать себя?

Если бы это был не Андрей, я бы заподозрила, что меня проверяют. Конечно, суицидальная психология не была официально объявлена лженаукой, но все прекрасно знали, что она крайне не одобряется. Самоубийцами могли быть лишь психически больные люди, и точка.

– Не станет, – согласилась я, предпочитая быть осторожной даже в личном разговоре. – Но психическое здоровье – очень тонкая материя. И отклонения от него бывают разные. Если бы все было так просто, в моей работе не было бы необходимости, любой мог бы на глаз определить, склонен ли тот или иной человек к суициду.

– Но если она не в отчаянии, – не отступал Андрей, – зачем она будет кончать с собой?

– А почему она тебя так интересуется? – решила я перевести разговор на другое, тем более что и сама пока не могла облечь свои сомнения в какую-либо словесную форму. Я просто доверяла интуиции. – Ведь ты все равно не сможешь ничего написать, кроме разгромной статьи. А для этого знать о моей работе не нужно.

Но Андрей неожиданно оказался более искренним, чем я.

– Это сейчас не смогу, – довольно пояснил он. – Но хороший журналист должен смотреть в будущее. Вот умрет она и, увидишь, очень быстро станет не «представительницей буржуазно-дворянской поэзии» и «взбесившейся барыней», а великим современным поэтом,

хранящим «завещанную Пушкиным высокую культуру слова». У нас ведь всегда так – чтобы стать великим, прежде всего надо умереть.

Я замерла на месте.

– Андрюша... ты гений!

– Знаю, – тут же согласился он. – А в чем моя гениальность проявилась на этот раз?

– Ты же сам объяснил, почему нельзя выносить вердикт, что Ахматова не склонна к суициду. – Я схватила его за руку. – Она считает себя великой, я это поняла по первому же разговору. А на что она готова, чтобы и другие поняли ее величие?

– Ого... – Андрей перестал улыбаться. – Но для этого надо быть на самом деле ненормальной.

Я вспомнила артистов, писателей, режиссеров, виденных мною в нашем психиатрическом отделении. А есть ли среди творческих личностей люди нормальные в том смысле, который мы обычно вкладываем в это слово?

Впрочем, поделиться этим философским соображением с мужем мне не удалось. Точку в разговоре поставили макароны, которые, будучи предоставлены сами себе, тут же с шипением убежали. Я кинулась спасать ужин, Андрей – свой костюм, и тема была временно закрыта.

* * *

После ужина мы с Андреем занялись каждый своей работой – он в спальне, а я в кабинете. Вообще-то это был его кабинет, такую невиданную роскошь, как дополнительную комнату, выделили ему после того, как он был выдвинут на Сталинскую премию. Премию он, конечно, не получил, но даже кандидатом стать очень почетно и, как оказалось, выгодно – после многих лет по коммуналкам мы в одночасье получили трехкомнатную квартиру на троих, а поскольку Маша после эвакуации осталась заканчивать школу у бабушки, мы и вовсе оказались тут вдвоем.

Но Андрею кабинет не нравился тем, что в окна по вечерам светило солнце, поэтому он после обеда перебирался за письменный стол в спальне. Ну а я занимала его кресло, и мы могли работать, не мешая друг другу.

Какое все-таки счастье, когда есть возможность работать в тишине и одиночестве, и никто не шумит над ухом, никакие соседи не стучатся в дверь с дурацкими вопросами... Можно спокойно открыть свои стенографические заметки и восстановить в памяти разговор с пациентом.

«...В первый раз я стала писать свою биографию, когда мне было одиннадцать лет, в разлинованной красным маминой книжке для записывания хозяйственных расходов. Это был 1900 год. Когда я показала свои записи старшим, они сказали, что я помню себя чуть ли не двухлетним ребенком...»

Ахматова рассказала это легко, словно походя, видимо не задумываясь, какая это для меня ценная информация. Нет, ничего нового я не узнала, но зато получила серьезное подтверждение своей внутренней уверенности, что она рассказывает давно затверженный текст. Сколько раз она с тех пор писала и переписывала свою биографию? И сколько правды в ней осталось?

С другой стороны, для меня важно даже не искренность ее рассказа, а ответ на вопрос, для чего она это делает. Какова цель того, чтобы самой составить собственное жизнеописание? Только для того, чтобы облегчить жизнь будущим биографам? Или, если отталкиваться от идеи Андрея, она творит свой будущий великий посмертный миф?

«...В семье никто, сколько глаз видит кругом, стихи не писал, только первая русская поэтесса Анна Бунина была теткой моего деда Эразма Ивановича Стогова. Стоговы были

небогатые помещики Можайского уезда Московской губернии, переселенные туда за бунт при Марфе Посаднице. В Новгороде они были богаче и знатнее.

Моего предка хана Ахмата убил ночью в его шатре подкупленный убийца, и этим, как повествует Карамзин, кончилось на Руси монгольское иго. В этот день, как в память о счастливом событии, из Сретенского монастыря в Москве шел крестный ход. Этот Ахмат, как известно, был чингисидом.

Одна из княжон Ахматовых – Прасковья Егоровна – в XVIII веке вышла замуж за богатого и знатного симбирского помещика Мотовилова. Егор Мотовилов был моим прадедом. Его дочь Анна Егоровна – моя бабушка. Она умерла, когда моей маме было девять лет, и в честь ее меня назвали Анной. Из ее фероньерки сделали несколько перстней с бриллиантами и одно с изумрудом, а ее наперсток я не могла надеть, хотя у меня были тонкие пальцы...»

И опять тот же вопрос. Что это – просто рассказ о собственных предках или еще один кусочек собственного мифа? Я склонялась ко второму, хотя понимала, что пока у меня нет никаких доказательств, только интуиция. Впрочем, интуиция ли? Может быть, дело скорее в опыте: если вспомнить моих прежних пациентов и просто знакомых деятелей культуры – они практически все были склонны к такому же мифотворчеству. Их предки непременно были князьями (вот уж чего вроде бы трудно ожидать от советских деятелей культуры, но факт остается фактом), героями Наполеоновских или Кавказских войн, крепостными актерами Шереметева, а если простыми крестьянами, то обязательно участниками Пугачевского бунта и героями Гражданской, воевавшими рядом с самим Чапаевым.

Исключение, пожалуй, было только одно – знаменитая «дочь небогатого нефтепромышленника», которой не надо ничего придумывать о предках, потому что она сама безо всяких усилий стала легендой уже при жизни. Кстати, вот с кем надо поговорить, ведь они давние подруги. Может, хоть она убедит Ахматову, что я ей не враг и со мной можно быть хоть немного более искренней. С другой стороны, дает ли мне право давнее и не слишком близкое знакомство...

Мои размышления прервал телефонный звонок. Все-таки у того, что Андрей уступал мне кабинет, был один недостаток – звонили в основном ему, а отвечать приходилось мне.

– Квартира Никитиных, – сказала я.

– Здравствуйте, Танечка.

Я от неожиданности даже не сразу поверила, что мне не послышалось.

– Здравствуйте, Фаина Георгиевна. Богатой будете – я только что вас вспоминала.

Сказала и тут же сообразила, что перепутала приметы, богатым будешь – если тебя не узнали. К счастью, она не стала насмешничать по этому поводу, а только рассмеялась своим необыкновенным смехом, от которого по спине бежали приятные мурашки.

– Богатой я уже не буду. Да и что мне делать с деньгами, ума не приложу. Ненавижу их, хотя точно знаю: страшны не деньги, а безденежье.

– Фаина Георгиевна, вы, как всегда, гениальны. За вами нужно с записной книжкой ходить. Муж недавно рассказывал...

Она прервала меня:

– Он ведь у вас журналист? Ох уж эти несносные журналисты! Половина лжи, которую они распространяют обо мне, не соответствует действительности.

Я расхохоталась и жестами показала заглянувшему в кабинет Андрею, что это мне звонят. А она тем временем перешла к делу.

– Танечка, давно я вас не видела. Кажется, с тех пор, как вы доказали мне, что у меня мания величия.

– Я этого не говорила! – в очередной раз попыталась откреститься я, хоть и знала, что ее не переспорить, она так и будет до конца жизни припоминать мне эту неудачную попытку объяснить на конкретном примере, что такое мания величия.

– Вот приходите ко мне в гости, поговорим об этом за чашкой чая, – заявила она и безапелляционно добавила, что ждет меня завтра в десять утра.

К счастью, завтра было воскресенье, а то ведь с нее стало бы назначить встречу и на рабочий день. Что поделаешь, у артистов свое видение мира, а у гениальных – тем более.

Я положила трубку и задумалась. Звонок не был случайным, это несомненно. Не могла лучшая подруга Ахматовой случайно позвонить мне именно сейчас, таких совпадений не бывает.

Но зачем я ей нужна? Хочет выяснить, что именно мне поручено? Не исключено, я ведь знаю, какие легенды ходят о нашем отделении. Сама слышала, что, дескать, все наши врачи-психиатры работают на НКВД... точнее, МВД, его ведь недавно переименовали. Впрочем, дело не в названии, все равно все знают, что новое МВД – это все то же старое НКВД.

К тому же, если мне самой пришло в голову, что мне хотят поручить что-нибудь страшное, это наверняка подумали и другие. Пожалуй, прежде чем дальше разговаривать с Ахматовой, мне надо побольше узнать о том, в чем ее обвиняют. Тогда можно будет хотя бы примерно догадаться, хотят ее уничтожить или просто решили хорошенько припугнуть.

– Андрюша, – я заглянула в спальню, – дай мне какую-нибудь газету с докладом товарища Жданова. Желательно с самим докладом, а не пересказом.

– У меня есть кое-что получше. – Он покопался в своем портфеле и вынул тонкую папку. – Держи.

Там оказались несколько подшитых страниц под заголовком «Из сокращенной и обобщенной стенограммы докладов т. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде».

– Разослали в редакции, чтобы мы знали, на что опираться и что цитировать, – пояснил Андрей в ответ на мой вопросительный взгляд.

– Спасибо! Что бы я без тебя делала.

Он, разумеется, не мог упустить такой момент и тут же спросил:

– Может, все-таки дашь почитать, что там твоя пациентка рассказывает?

– Может, и дам, – согласилась я, вспоминая гладкий рассказ Ахматовой о ее жизни. Пока там на самом деле скрывать нечего, можно не беспокоиться о врачебной этике. – Когда секретарь стенограмму расшифрует. Если у меня не отберут все материалы, конечно.

Андрей довольно ухмыльнулся и вернулся к работе.

– Ловлю на слове.

* * *

Из сокращенной и обобщенной стенограммы докладов т. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде.

Перехожу к вопросу о литературном «творчестве» Анны Ахматовой. Ее произведения за последнее время появляются в ленинградских журналах в порядке «расширенного воспроизводства». Это так же удивительно и противоестественно, как если бы кто-либо сейчас стал переиздавать произведения Мережковского, Вячеслава Иванова, Михаила Кузмина, Андрея Белого, Зинаиды Гиппиус, Федора Сологуба, Зиновьевой-Аннибал и т. д. и т. п., т. е. всех тех, кого наша передовая общественность и литература всегда считали представителями реакционного мракобесия и ренегатства в политике и искусстве. <...>

Тематика Ахматовой насквозь индивидуалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии – поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной. Основное у нее – это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности. Чувство обреченности – чувство, понятное для